

Музыка / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Музыка / рассказ МУЗЫКА

С этого я и начну. Сережа, когда я умру, ты помни одно – ничего дорогого не покупай, все должно быть скромно. И дорогих обрядов не делай. Это все равно не спасет меня от грехов», – своим корявым медицинским почерком написала бабушка в зеленой тетради.

Дедушку я никогда не видел. Отец его не помнит. А в семье о нем всегда молчали. Есть у детей странность, которая огорчает взрослых – переворачивать все в коробках, сундуках, рыться в шкафах. Думаю, это всего лишь попытка исследовать мир, а, может, найти в нем нечто чудесное, небывалое. Правда, тогда мной двигало не любопытство, я просто, даже автоматически как-то рылся в черно-белых снимках. И вот на одном из них стояла моя бабушка с каким-то мужчиной – его лицо было вырезано, а тело проколото иглой с черной ниткой. Я тогда побежал к бабушке и спросил: «Что это?». Она ждала своих музыкантов, явно нервничала и потому, наверное, закричала: «Он сволочь, сволочь, сволочь»! Я скорчился, оглушенный, пораженный ее гримасой. Откричавшись, она успокоилась и ушла размещать в большой комнате пианистов, я их правда так и не увидел, но казалось, слышал тихие разговоры и музыку. О дедушке я перестал спрашивать, да, никто и не знал, жив ли он, умер. Я видел другие фотографии с его лицом. Он стоял посреди поля в котелке и курил. Кинематографичный человек. Ведь у них с бабушкой была же какая-то любовь, раз родился отец.

Мой отец не общается с нами. Но ведь у него тоже была когда-то любовь с матерью своих детей – меня и Софьи. Браки, проколотые иголкой и перешитые черной ниткой, сидят у меня в голове с детства и убивают представление о любви. Но я люблю музыку. Все детство я ходил с бабушкой встречать музыкантов. Прибирался, как мог, в овальной комнате. Слышал разговоры и музыку. Я поглаживал струны виолончели и остро слышал

сосредоточенное, напряженное молчание Софьи.

– Ну, за тебя я спокойна, – слышался мамин взгляд на Софью.

– А вот Александр...

Бабушка умерла через месяц после своего 90-летия. Конечно, я соглашался, что бабушка странная, с каким-то особенным взглядом на мир и слухом к его тайным звукам.

– Это самое безобидное, – сказал про нее отец. – Если она что и любила – это смерть.

Как только она преставилась, в комнате нашли ту тетрадь, исписанную корявым медицинским почерком. На обложке было написано: «Памятка Сереже, когда я умру». «Сережа, когда я умру, труп не вскрывать. Карточка моя в поликлинике, там все данные. По христианскому обычаю труп должен час быть в покое, то есть никто к нему не должен подходить. Все тихо, спокойно. На шее у меня обязательно должен быть крестик и обязательно по христианскому обычаю в церкви сделать обряд. Причастить, отпеть (ну это я так пишу, я считаю, что батюшка знает, что нужно делать с покойником). При покойнике все зеркала должны быть в комнате закрыты. Я на смерть себя всю жизнь готовила. Крест, молитва, иконка – я все завернула в белый платочек. Фото в рамке. Платочки головные и платочки носовые лежат в мешке. Юбка и кофта. Их на покойника легче одевать, чем платье, поэтому я платье не пошила. Кружавчики белые. Их много. Они для гроба. 2 простынки. Тапочки. Чулки. Платочек на головочку с зелеными полосками, беленький, тоненький. Гвоздиками прибивать обивку на гроб и кружева. Поминайте меня обязательно в церкви. И обязательно меня и моих родителей. Говорят, лучше всего помянуть хлебными изделиями – булочки, пирожки, блины. Буханку хлеба обязательно отнесите в церковь, положите на стол (там специальный). Сережа, поставь свечку одну за упокой души на всех-на всех и прочитай перед иконой и свечкой в церкви – помяни Господи во царствии твоём души усопших рабов твоих Трофима, Марию, Анатолия и всех православных христиан, прости им все согрешения вольные и невольные и даруй им царствие небесное. Выкопать яму неглубокую, поставить крест христианский, надгробие сделать очень легкое – из железа, не гранитное. За проводимые работы

при захоронении дорого не платить, дорогих обрядов не делать, это ничего не поможет, кроме как тебе в убыток, но обязательно меня поминать дома – раздача печенья или чего-нибудь печеного, а в церкви поставить свечку за упокой души и заказать хотя бы один раз в год, но лучше чаще, обряд об упокоении. Плати за этот обряд тоже недорого и тут же закажи просфору за упокой, ее желательно вам скушать, а если несколько просфор закажешь, то раздай их людям в церкви и скажи: «Помяните рабу Божию Любовь». Обязательно провести обряд в церкви, называется он «Запечатать», то есть землю взять в храме и рассыпать на могиле(ну знаешь же на чьей....) в форме креста. Поминайте меня. Есть такой поминальный день. Нужно узнать, когда он бывает.

Р. С. На это все специальные средства, мы с тобой оговаривали. А деньги для Александра в татарском шкафчике, ключ от которого, я уверена, он никогда не забудет. Это, моя воля, только ему и только на музыку».

Неверующие родители все сделали, кроме мелкой могилы – по санитарным нормам это запрещено, странно, бабушка медик, она должна была это знать. А я все ждал, когда придут музыканты сыграть на бабушкиных похоронах. Везде звучала музыка, я ее слышал. Слышал ровно до тех пор, пока мама не сказала:

– Нет никаких музыкантов! – нервно вскидывая кисти, воскликнула она. – Не-ет! И не было никогда, была шизофрения... Как нет? Ведь я же их...

А ведь я их действительно никогда не видел.

Тогда до меня дошло. Ей всегда хотелось петь, именно как служить – единственному, высочайшему слушателю. И музыканты будто были за нею, только их вырезали. Ножницы судьбы.

Удивительно короткий гроб. Лицо её с наруганными щеками в траурных кружавчиках. Странное, словно бы притворившееся выражение его поразило меня. Я присмотрелся и услышал музыку.

А ключик нашелся легко. Тайное это место знали только мы с ней.

Об авторе: ЕКАТЕРИНА СПЕРАНСКАЯ (КВИТКО)

Родилась в станице Динской Краснодарского края. Студентка 3-го курса Литературного института имени А.М. Горького. Пишет прозу. Neкаýalar